

ШАТИЛО Игорь Станиславович — кандидат философских наук, доцент (fai-shatilo@yandex.ru)

РАЗОРУЖЕНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЭВОЛЮЦИИ ВОЕННЫХ СТРУКТУР

Аннотация. Статья завершает серию работ, опубликованных в различных печатных изданиях, в т.ч. в журнале «Власть». Автор анализирует возможные пути эволюции военной организации общества в процессе разоружения по международным соглашениям. На основе имеющейся литературы по этой теме автор делает вывод, что современная научная мысль стремится к той же цели, которая впервые была закреплена в первых программных документах российской социал-демократической и коммунистической партий: замена постоянных армий милицией.

Ключевые слова: разоружение, мирные и немирные виды разоружения, военно-специализированные и милиционные формы военных организаций, изменение соотношения в процессе разоружения

В философском понимании разоружение — это сложный и длительный процесс избавления человечества (классов, наций, государств) от боевого оружия, военной техники и военных организаций, предназначенных специально для ведения войны; это альтернатива тотальному военному самоистреблению и нынешней милитаризации мира, которая и без войны способна истощить экономику, подорвать устои существования цивилизации. Процесс разоружения практически начался в XX в. — в то самое время, когда война и милитаризация всех сфер общественной жизни достигли предельно наполненных параметров. Он будет набирать силу по мере отказа государств с различным социальным строем от конфронтационной политики. Когда обособленные, враждующие военно-политические блоки уступят место планетарно организованной системе равноправного сотрудничества и всеобщей безопасности народов, тогда осуществится конечная цель разоружения — военные организации будут полностью упразднены, «мечи будут перекованы на орала». Эта сверхзадача была выдвинута ветхозаветными пророками христианства. В научном варианте она была сформулирована в трудах основоположников научного коммунизма, зафиксирована в программных документах мирового коммунистического движения, в т.ч. и в первых программах российских коммунистов, где программное требование ликвидации материального аппарата международных войн зазвучало следующим образом: «Замена постоянных армий милицией». В этом пункте старый коммунистический идеал совпадает с общечеловеческим, который в такой же форме зафиксирован в документах ООН [Шатило 1988: 3-62].

Общая теория разоружения как часть теоретической социологии уже существует. В создание этой теории некоторый вклад вносят современные отечественные ученые. Они охватывают понятием «разоружение» мирные и немирные способы слома военной машины эксплуататорского государства, анализируют реформаторские и революционные аспекты этого процесса. При этом различают следующие его типы: 1) разоружение того или иного класса, слом его военной организации в ходе социальной революции; 2) разоружение государства или коалиции государств, побежденных в международных войнах; 3) разоружение государств на основе взаимных международных соглашений. Конкретные проявления процесса разоружения могут быть классифицированы и по другим основаниям. Так, в зависимости от глубины реализации разоружение бывает частичным и полным. В зависимости от степени вовлеченности в этот процесс тех или иных политических субъектов (классов, государств) можно говорить об одностороннем, многостороннем и всеобщем разоружении. В зависимости от способов осуществления этого процесса следует различать разоружение, про-

веденное с помощью военного принуждения и достигнутое мирным, ненасильственным путем.

Названные типы и виды разоружения исторически связаны, дополняют друг друга и приближают конечную цель — полную и всеобщую демилитаризацию военных структур. Как бы кто ни относился к Великой Октябрьской социалистической революции, для меня она остается главным событием XX в. хотя бы потому, что впервые в истории народы огромной империи сурово наказали (в объективно-историческом смысле) свой собственный эксплуататорский класс, вовлекший их в первую мировую войну, вдребезги разрушили его военную организацию, обезоружили его полностью. Односторонний, трагический, во многом стихийный «проблеск» разоружения! Но именно так на практике была доказана возможность разоружения мощного милитаристического государства силой революционных народных масс. Второй, не менее важный и не менее трагичный антимилитаристический урок XX в. дала Вторая мировая война: государства антигитлеровской коалиции разгромили и обезоружили агрессивные, империалистические режимы Германии и Японии, установили ограничения на развитие военной мощи этих стран и учредили ООН — универсальную международную структуру, призванную наладить систему всеобщей безопасности и сотрудничества всех народов планеты. Глобальная кризисная ситуация, сложившаяся в конце XX — начале XXI вв., по моему мнению, приближает не менее важные политические события — всеобщую антимилитаристическую реформацию политических систем, которая обеспечит переход к мирному, неантагонистическому типу общечеловеческого развития. Ее итогом будет всеобщее разоружение государств с различным социальным строем.

Мировому сообществу наций не раз еще придется применять силу, чтобы обезоружить тот или иной политический режим, если он поведет себя агрессивно. Но третий в указанном ряду тип разоружения уже стал ингредиентом мировой политики, хотя проявляет себя пока лишь в начальных формах — в виде ограничения и частичного сокращения вооружений: ныне действует серия многосторонних международных договоров, ограничивающих гонку вооружений. Среди них можно отметить Договор о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, в космическом пространстве и под водой (1963 г.), Договор о нераспространении ядерного оружия (1968 г.), Договор о запрещении размещения на дне морей и океанов и в его недрах ядерного оружия и других видов оружия массового уничтожения (1971 г.), Конвенция о запрещении разработки, производства и накопления бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении (1972 г.), Договор между СССР и США о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (1987 г.), советско-американское соглашение о 80-процентном сокращении химических вооружений (1990 г.) и др.

Возможность прогрессирующего договорного разоружения определяется, во-первых, ростом взаимосвязи и взаимозависимости современного мирового сообщества, накоплением на планете таких запасов оружия массового поражения, которых более чем достаточно для самоубийства человечества. Победа в мировой ракетно-ядерной войне теперь невозможна, и это объективно сдерживает тех, кто хотел бы ее развязать. Во-вторых, ныне уже не только ядерную войну, но и гонку ядерных вооружений выиграть нельзя. Опыт всех десятилетий, прошедших после окончания Второй мировой войны, подтверждает, что всякий прорыв того или иного государства в военно-технической области оказывался нейтрализованным, и военно-стратегическое равновесие в итоге восстанавливается. В-третьих, становится все более опасным сохранять баланс вооружений на его нынешнем уровне, поскольку он непомерно высок. Существующие арсеналы оружия массового поражения могут вызвать огромные бедствия на планете

не только вследствие их сознательного боевого применения, но и в результате технических аварий и катастроф. В-четвертых, содержание огромных постоянных армий изматывает мировую экономику, не позволяет сосредоточить материальные и интеллектуальные ресурсы человечества на решении острейших экологических и социально-экономических проблем и, следовательно, может без войны обескровить планету.

Размышляя о механизме достижения общечеловеческих идеалов и программных целей коммунистов в области разоружения, я пришел к выводу (и начиная с 1980 г. обосновываю этот вывод в опубликованных научных работах) о возможности промежуточного рубежа между нынешним уровнем развития военной организации государств и конечным уровнем военного строительства, на котором должно произойти полное упразднение постоянных армий и замена их милицией, предназначенной лишь для поддержания общественного порядка. Более того, я доказываю закономерный характер предстоящего прохождения большинством современных государственных военных систем через предполагаемый промежуточный рубеж. В чем отличие этого будущего промежуточного рубежа от нынешнего уровня развития вооруженных сил и вооружений? Сегодняшний уровень развития военной организации большинства государств характеризуется сочетанием военно-специализированных и милиционных форм при определяющей роли первых и вспомогательной, дополняющей роли вторых. Мыслимый же промежуточный рубеж на пути к полному упразднению постоянных армий будет тоже характеризоваться сочетанием тех и других форм, но соотношение между ними радикальным образом изменится: сокращаемые военно-специализированные формы обретут вспомогательное, дополняющее значение, а основными, главными окажутся формы милиционные. Такое состояние военной организации общества подводится под понятие «милиционная система обороны». Речь, следовательно, идет о закономерной перспективе осуществления идеи милиционной системы обороны на путях движения к полному и всеобщему разоружению.

Прежде чем дискутировать о возможных контурах милиционной системы обороны будущего общества, следует четко определить понятие «милиционные формы развития военной организации общества». Это я сделал в статье, опубликованной в № 3 журнала «Научный коммунизм» за 1984 г. Там можно прочесть следующее: «Понятие “милиционные формы военной организации общества (класса)” характеризуют те элементы (силы, средства, составные части) военной организации, которые в мирное время не специализируются исключительно в области военного дела, а сочетают военные и невоенные (народнохозяйственные, социально-культурные) функции. Милиционные формирования овладевают военным делом практически без отрыва от материального производства или сочетают военную подготовку с постоянным выполнением производственных задач. В военное время в зависимости от обстановки они могут превратиться в регулярную вооруженную силу или оставаться нерегулярными формированиями и действовать свойственными им методами. Понятие же “регулярная армия” фиксирует взаимосвязь тех элементов военной организации, которые и в мирное, и в военное время специализируются лишь в качестве сил и средств вооруженной борьбы, т.е. не сочетают военную функцию ни с какой другой. Отсюда вытекает, что главный отличительный признак всех милиционных форм состоит не в территориальном способе комплектования, не во временном (эпизодическом для данного этапа) характере их существования, а в сочетании функций труда и обороны в условиях мира. Остальные признаки следует выводить из этого» [Шатило 1984: 40].

Поняв, что такое милиционные формы, можно сделать заключение о сущности будущей милиционной системы – военной организации, в которой будут

доминировать именно милиционные формы, а относительно небольшая регулярная армия будет выполнять роль постоянно боеготового ядра, организационного стержня всенародной обороны, которая при необходимости может достичь размеров «вооруженного народа». Такая система обороны – нередкое историческое явление. Ее прототипы существовали и в нашей стране. Приведем пример. После окончания Гражданской войны Советское государство (в силу причин социально-экономического порядка) сократило свою армию в десять раз: с 5 млн до 500 тыс. чел. Поскольку такая относительно небольшая армия не могла обеспечить высокую обороноспособность страны, советское правительство взяло курс на развитие разнообразных форм милиционного строительства, в т.ч. и на значительное расширение территориально-милиционных форм комплектования армии. Соотношение между военно-специализированными и милиционными формами постепенно начало изменяться в пользу последних. Это дало основание М.В. Фрунзе сделать следующие выводы: «Система нашей обороны все больше и больше начинает опираться не на кадровые, а именно на территориально-милиционные части. <...> Нужно всем твердо усвоить, что в деле милиционного строительства за рамки опыта (т.е. эксперимента. – *И.Ш.*) мы уже вышли. Основа военной мощи Союза лежит именно в нем» [Фрунзе 1951: 424, 450]. Наметившаяся в 1920-е гг. тенденция к более широкому переходу от военно-специализированных форм к милиционным не получила дальнейшего развития в связи с обострением международной обстановки, возникновением очагов новой мировой войны и т.д. Да и утвердившиеся на том этапе варианты милиционного строительства были, конечно, далеки от «развитой милиционной системы», перспектива которой намечалась в программных документах большевистской партии. Однако опыт этот чрезвычайно поучителен и может в каких-то своих формальных чертах повториться на более высоких витках исторического развития – в процессе прогрессирующей демилитаризации международных отношений. Это не будет простое повторение опыта 20-х гг. Формы милиционного строительства разнообразны. Кроме того, наука может подсказать и принципиально новые формы милиционного строительства. Какие из них окажутся наиболее приемлемыми и в каком конкретном сочетании они будут находиться с остающимися военно-специализированными компонентами системы обороны страны, покажет будущее.

К выводу о том, что путь к демилитаризованному миру необходимо пройдет через милиционную систему обороны, приходят многие прогрессивные мыслители и общественные деятели на Западе, в т.ч. члены известной пацифистской группы «Генералы за мир и разоружение», с которой сотрудничают ряд бывших военачальников западноевропейских стран. Они резко критикуют НАТО за преобладание наступательных стратегий, призывают сохранять в национальных системах обороны те военные структуры, которые способны лишь обороняться. Среди них – милиция. Так, автор «альтернативной концепции обороны для Германии» бывший генерал бундесвера Герт Бастиан писал: «Для свободной от участия в блоках и нейтральной Федеративной Республики наиболее целесообразной формой организации национальной обороны было бы сочетание небольших частей кадровых вооруженных сил и созданных по образцу милиции вспомогательных формирований, значительных по численности» [Бастиан и др. 1985: 121-122]. В книге «Предотвращение войны в ядерный век», изданной в 1984 г., профессор экономики Нью-йоркского университета Дитрих Фишер писал, что в ходе разоружения все государства должны перейти от нынешних военных организаций, оснащенных преимущественно наступательным оружием, к военным системам, оснащенным только оборонительными средствами вооруженной борьбы. При этом ядерное оружие и другие виды оружия массового истребления должны быть

ликвидированы. Фишер призывал присмотреться к «неагрессивным системам обороны», которые существуют в Швейцарии, Швеции, Финляндии и некоторых других странах, считая их прообразом возможных изменений в военном строительстве сверхдержав.

Из вышеизложенных рассуждений видно, что существует определенное сходство взглядов коммунистов и некоторых течений буржуазного пацифизма на милиционную систему обороны как альтернативу нынешним сверхмилитаризованным военным системам и как средство, способствующее продвижению к миру без войн и армий. Учет достижений зарубежной общественной мысли необходим для правильной оценки идущей у нас дискуссии о реформах военной организации России. Передовая мысль западной политологии и военной науки, оказывается, активно ведет поиск меры сочетания военно-профессиональных и милиционных форм, притом такой меры, которая была бы способной тормозить и отсекал наступательный потенциал военного профессионализма, хотя и обойтись без него пока не может. Во всех западных странах существуют милиционные формы военного строительства, а в некоторых из них сама армия приобретает милиционный характер, поскольку срок службы призывного состава сокращается до 9–12 месяцев и она (армия) все более превращается в школу всеобщей обороны. Старый слепой крот истории движется, оказывается, в правильном направлении.

Может возникнуть сомнение: не поставит ли все более усложняющаяся военно-техническая база современных армий непреодолимые препятствия для перехода в будущем к милиционным системам обороны? Чтобы преодолеть это сомнение, надо усвоить, что одна из важнейших задач разоружения состоит как раз в том, чтобы, в конечном счете, упразднить эту базу. В содержание процесса замены постоянных армий милиционной системой обороны, а затем и милицией, предназначенной лишь для охраны внутреннего порядка, органически вписывается и идея конверсии военного производства, т.е. переключения военной промышленности на производство невоенной продукции. Если мы согласны с тем, что окончательным результатом процесса конверсии военного производства явится полное упразднение сугубо специализированных военно-технических средств, то нам должно быть столь же ясно, что промежуточным результатом этого весьма длительного процесса будет ситуация, когда сфера распространения таких средств будет радикально сокращена. На вооружении разоружающихся стран будет в основном техника двойного назначения, т.е. такая, которую можно использовать и в качестве средств мирного производства, и в качестве средств вооруженной борьбы. Это и есть, если угодно, тот «ультрасовременный» технический фон, на котором способна функционировать в условиях научно-технической революции милиционная система обороны.

Обсуждаемые возможности тесно смыкаются с новыми подходами к определению перспектив эволюции технологической структуры современного производственного процесса. Это ориентировка на быстро переналаживаемые производства, внедрение гибкой технологии, позволяющей быстро и эффективно перестраивать производство на изготовление новой продукции.

Излагаемые здесь предположения о контурах будущей милиционной системы обороны, о возрастающем участии ее компонентов в развитии материального производства, о технике двойного назначения, которая должна прийти на смену современной сугубо специализированной военной технике, находят за рубежом нашей страны все большую поддержку. Многим близка идея К. Маркса о придании военной организации трудовых функций на путях к ее полному упразднению. Эта идея все более наполняется всеобщим, интернациональным содержанием. В самом деле, разве задача борьбы с разрушительными стихийными

силами природы в условиях обостряющегося экологического кризиса не является всеобщей актуальной задачей? И разве народы мира не вправе требовать, чтобы первостепенный вклад в ее решение внесла армия — организация, отличающаяся от любой другой гражданской службы высоким качеством своей техники, повышенной физической подготовкой людского состава, особым режимом труда и дисциплины? Армии различных стран уже и сейчас частично привлекаются для выполнения работ по ликвидации последствий стихийных бедствий, но нельзя сказать, чтобы эта их деятельность была эффективной. Современные вооруженные силы хорошо приспособлены, прежде всего, для решения чисто военных функций. Если же вменить им в обязанность постоянно заниматься и трудовыми делами, то их сугубо специализированная в военном отношении техника должна постепенно дополняться и заменяться техникой мирно-созидательной (в данном случае спасательной, восстановительной и т.д.). Надо будет также преодолевать односторонний военный профессионализм личного состава, готовить его к выполнению соответствующих невоенных задач. Если такой курс развития будет задан, то процесс демилитаризации общественной жизни неизбежно пойдет через милиционную систему обороны.

Мои выводы в этом отношении во многом совпадают с выводами Чарльза Москоса — профессора социологии Северо-Западного университета США. В 1990 г. он предложил тройную типологию современных обществ в зависимости от того, как они относятся к войне и вооруженным силам: «общество готовности к войне», «общество сдерживания войны» и «общество отрицания войны». Суть выводов Ч. Москоса состоит в том, что по мере эволюции современных государств от «общества готовности к войне» к «обществу сдерживания войны» и «обществу отрицания войны» изменяется общественный статус, структура и функции вооруженных сил. Первому типу обществ соответствует массовая армия, комплектуемая, как правило, на основе воинской повинности; второму типу — профессиональная армия с добровольным наймом военнослужащих, а также подготовленные резервы; третьему типу — малочисленная армия, комплектуемая на основе гражданской обязанности, предполагающей эквивалентность собственно военной и альтернативной гражданской службы. «В обществе отрицания войны, — считает американский профессор, — личный состав действительной службы существенно сократится до небольшого числа хорошо оплачиваемых кадровых военнослужащих, обучающихся долгосрочных резервистов, которые будут получать умеренную компенсацию. Будет развиваться милиционно-территориальная система обороны... В обществе отрицания войны, очевидно, общественность снова станет поддерживать военных, особенно в том случае, когда большая часть населения будет включена в милиционную систему. Эта поддержка будет еще сильнее, если военная служба будет предполагать решение, наряду с собственно военными, и насущных задач гражданского общества» [Москос 1990: 82]. Ч. Москос обращает внимание на то, что уже сейчас у армий ряда стран появились невоенные функции, и приводит конкретные примеры: многонациональные силы по поддержанию мира в «горячих точках», освоение полюсов и космоса, борьба с торговлей наркотиками, иммиграционный контроль, образование и профессиональная подготовка детей из нуждающихся семей, ликвидация стихийных бедствий и многое другое. Автор справедливо считает, что спектр невоенных функций будет расширяться. Какие из них приживутся и в каком сочетании — это зависит от национальных особенностей страны.

Широкое использование милиционных форм в справедливых, оборонительных войнах — давняя национальная традиция России [Шатило 2017]. В таких ситуациях весь народ включался в борьбу по мере необходимости, расширяя

армию до размеров «вооруженного народа» и создавая различные формы гражданской самообороны (народное ополчение, партизанское движение, добровольные дружины, трудовые части и т.п.). Зная это, надо ли превращать армию в замкнутую касту наемников? Нет. Надо в той или иной мере обучать военному делу широкие массы населения. Но при сокращающейся армии это лучше всего достигается через расширение территориально-милиционных формирований. Посредством этих форм не только массы привлекаются к оборонному строительству, но и армия (в условиях мира) привлекается к решению мирно-созидательных задач. Обычно эта идея встречает ожесточенную критику со стороны официальных военных теоретиков: армия, мол, создается не для этого. Верно, что военно-специализированные компоненты оборонной организации создаются не для этого, но милиционные компоненты по определению должны совмещать военные и невоенные функции.

В условиях глубокого и затяжного экономического кризиса целесообразно расширять практику использования военно-строительных отрядов для выполнения государственных программ дорожного и жилищного строительства, рассматривать службу молодежи в этих отрядах как альтернативную службе в регулярной армии. Необходимо частично перейти к комплектованию военно-трудовых подразделений также и по территориальному принципу, предоставить право субъектам федерации использовать их в интересах экономического возрождения регионов, в т.ч. и как одну из сил региональных служб по ликвидации последствий стихийных бедствий, промышленных и транспортных катастроф. Все более полное вовлечение оборонной организации в выполнение трудовых функций наряду с постепенным сокращением регулярной армии, расширением территориально-милиционного строительства и развертыванием вневойсковых форм подготовки народных масс к защите Отечества – магистральный путь перехода в будущем к милиционной системе обороны.

Список литературы

Бастиан Г., Да Кошта Гомеш Ф., Харботтл М. и др. Генералы против «довооружения» (пер. с нем.; предисл. и прим. М.А. Мильштейна). 1985. М.: Международные отношения. 158 с.

Москос Ч. 1990. Вооруженные силы в «обществе отрицания войны». – *Общество и армия*. М.: Прогресс. С. 78-83.

Фрунзе М.В. 1951. Кадровая армия и милиция. – *Избранные произведения*. М.: Воениздат. С. 424-450.

Шатило И.С. 1984. О военном строительстве в социалистических странах. – *Научный коммунизм*. № 3. С. 37-40.

Шатило И.С. 1988. *Проблема замены постоянных армий милицией в марксистско-ленинской концепции разоружения*. Ростов н/Д: Изд-во Ростовского университета. 169 с.

Шатило И.С. 2017. О милиционных формированиях в системе обороны СССР и современной России. – *Власть*. № 1. С. 189-197.

SHATILO Igor' Stanislavovich, *Cand.Sci. (Philos.), Associate Professor (fai-shatilo@yandex.ru)*

DISARMAMENT AND PROSPECTS FOR THE EVOLUTION OF MILITARY STRUCTURES

Abstract. *The article accomplishes a series of works published in various printed publications, including the «Vlast'» journal. The author analyzes possible ways of the evolution of the military organization of society in the process of disarmament under international agreements. The author summarizes the available literature on this topic and concludes that modern scientific thought tends to the same goal that was for the first time established in the program documents of the Russian Social-Democratic and Communist parties: the replacement of regular armies by the militia forms of military organizations.*

Keywords: *disarmament, peaceful and non-peaceful disarmament, military-specialized and militia forms of military organizations, correlation in the process of disarmament*

БОЧАРОВ Юрий Борисович – политтехнолог, Израиль (yurabig@gmail.com)

ОПЕРАЦИЯ «ПРЕЕМНИК» ИЛИ «ЧИСТЫЕ» ВЫБОРЫ?

Аннотация. *В статье анализируется предвыборная ситуация в РФ, задачи, стоящие перед властью при проведении будущих выборов, трактуется возможность переноса выборов, делается прогноз в отношении возможного преемника. Особое внимание уделено так называемому президентскому резерву – как формальному, так и, по мнению автора, вполне реальному. В заключение автор отмечает, что предвидеть, а тем более предсказать действия власти в России – задача практически нереальная из-за наличия многих подводных течений, не просчитываемых игроков и интересов, а также регулярных неординарных ситуаций, возникающих как во внешней, так и во внутренней политике страны.*

Ключевые слова: *Россия, президентские выборы, преемник, кандидаты в президенты, политическая ситуация, прогноз, досрочные выборы*

Плановая победа должна быть честной

Следующие президентские выборы в России должны отвечать ряду заявленных президентом Владимиром Путиным целей. Во-первых, что самое главное, они не должны ставить под сомнение легитимность власти всенародно избранного президента. При этом стоит задача не избрания Путина, что вообще не вызывает сомнения, а обеспечения того, чтобы выборы считались более чистыми, прозрачными и легитимными по сравнению со всеми предыдущими. Особо важно, чтобы президент набрал больше голосов, чем на прежних выборах, как в относительных, так и в абсолютных цифрах.

В связи с этим ставится вопрос о создании максимально комфортных условий, чтобы проголосовать смогли как можно большее число людей. Низкая явка будет плохим сценарием, в отличие от думской кампании, где абсолютные числа не так уж важны. Естественно, не нужен и «среднеазиатский» вариант – абсолютная явка и практически 100-процентный результат. Победа должна быть завоевана в «упорной борьбе», а ее результат – соответствовать рейтингу президента (65–75%); при этом явка должна превышать 2/3 избирателей.

Данный вопрос, скорее всего, будет решаться по двум направлениям. Во-первых, ЦИК РФ должен создать дополнительные возможности для всех желающих проголосовать. Для этого рассматривается вопрос отмены открепительных талонов.